

Глава 28. Помнить незабываемую ночь

«Суть окклюменции состоит в том, чтобы связать волю и магическую силу, чтобы построить стену в сознании. Эта стена может блокировать проникновение и вторжение магии, а умелые люди могут даже создать за стеной ложные воспоминания, чтобы ввести в заблуждение воров памяти, не давая им понять, настоящие перед ними воспоминания или нет».

Объясняя это Джону, Слизнорт не забывал отщипнуть кусочек candied pineapple из картонной коробки рядом с собой и положить в рот.

«Существует два основных метода обучения окклюменции. Первый – напрямую и насильно вторгаться в разум ученика, чтобы он запомнил ощущение вторжения. Его тело будет подсознательно сопротивляться, воля активизирует магическую силу – это самый примитивный способ обучения окклюменции. Но мне он не нравится, слишком грубо, да и часто заглядывать в чужие воспоминания для волшебников не самое лучшее дело».

«Поэтому я буду использовать второй метод, который менее жесток и гораздо более искусен в сравнении. Я одолжил этот тазик у Дамблдора. Когда переезжал, забыл, куда его припрятал. Глупо получилось, ведь у меня есть воспоминание о том, куда я его запрятал, в одном из моих горшочков, но не могу достать его, если не найду этот горшочек. А воспоминание не могу получить, если не достану тазик».

Слизнорт самоиронично пожал плечами.

«Того горшка я тоже больше не могу найти. К счастью, горшок Дамблдора был вынесен им из того замка, иначе я не знаю, как бы начал учить тебя. Омут Памяти – вид волшебного сосуда для хранения мыслей и воспоминаний».

Джон посмотрел на пустой каменный таз и не мог не спросить с сомнением:

- Тогда с чего мы начнём, профессор?

- Сейчас тебе нужно вспомнить в уме любое воспоминание, какое угодно, я извлеку то воспоминание, о котором ты думаешь, - сказал Слизнорт, вытирая палочкой руки от крошек сладостей.

Джон сделал несколько глубоких вдохов и начал искать в памяти сцену, которая произвела на него глубокое впечатление.

- Готов? – спросил Слизнорт.

- Да, профессор.

Он направил кончик палочки к виску Джона, и затем, будто какая-то нить соединилась с кончиком палочки, Слизнорт вращательным движением вытянул из головы Джона яркую серебристую нить!

Джон сейчас чувствует себя очень странно. Он явственно ощущает, что какая-то сила тянет его воспоминание. Такое ощущение не из приятных, и его тело инстинктивно сопротивляется этому действию.

Хоть внешне тело и не двигалось, ощущение сопротивления в разуме было очень сильным, будто какой-то грабитель вырвал у него из рук что-то прямо перед ним, и первая реакция – броситься в погоню, чтобы вернуть свою вещь.

В тот момент, когда у Джона возникла эта мысль, вытягиваемая из его сознания серебристая нить вдруг будто укоренилась и движение вытягивания стало затруднённым и медленным.

Но в итоге магическая палочка всё-таки полностью вытянула серебристую нить.

Слизнорт поместил извлечённое из разума Джона воспоминание в Омут Памяти. Он с улыбкой посмотрел на немного отсутствующего сейчас Джона, будто тот мысленно вспоминал только что испытанное ощущение.

- Тебе неприятно это чувство, и тело очень сопротивляется? – спросил он.

Джон кивнул и хмуро сказал:

- У меня возникло неконтролируемое желание прервать процесс... и кажется, я так и поступил?

- Кажется-то, нет, - с восхищением сказал Слизнорт, - твой инстинкт самозащиты очень силен, ты и вправду оказал спонтанное сопротивление, причём это сопротивление возымело определённый эффект.

- Это очень хорошее начало, Джон. Когда окклюменцию только создавали, кто-то записал ощущение постоянного насильного чтения памяти, усилил этот физический инстинкт, и в итоге он перерос в магию. А некоторые люди изначально нечувствительны к акту чтения памяти, им крайне сложно выучить окклюменцию, а ты явно относишься к противоположной категории.

- Это очень хорошо и говорит о том, что у нас впереди должен быть плодотворный прогресс, - сказал он, глядя на яркое серебристое туманное воспоминание в Омуте Памяти, и спросил Джона: - Можно ли другим смотреть это воспоминание?

Конечно, у Джона не было причин отказывать. Он вместе со Слизнортом вошёл в извлечённое из его разума воспоминание.

Под ночным небом волны также спокойны, как спящий младенец на руках матери.

По обе стороны длинного стола, уставленного яствами, встали и ученики, и учителя, а седовласый старик запел первым вступительную мелодию гимна школы, за которым последовал мелодичный хор.

Джон стоял на берегу, молча наблюдая, как его копия трёхнедельной давности заражается атмосферой за столом и подпевает вместе со всеми.

Слизнорт, стоявший рядом, вдруг сел на берег, с мирным выражением глядя на всех преподавателей и учеников этого маленького Хогвартса.

- Что ты больше всего запомнил об этом вечере? – спросил он.

Услышав его вопрос, Джон тоже присел на корточки. Он взял горсть гальки с земли, и вещи из воспоминания высыпались из его пальцев, но глаза его всё так же смотрели на тех радостных и полных веселья учеников и преподавателей, что пели песни в печали.

- Это, возможно, самый запоминающийся день в моей жизни, профессор.

Слизнорт положил левую руку на тыльную сторону правой, опёрся локтем о колено и посмотрел вверх на яркое ночное небо.

- Я такой же, как ты, Джон. Я тоже никогда не забуду ту ночь, когда Дамблдор впервые привёл меня в этот Хогвартс, прежде чем я дал согласие стать здесь профессором. Этот хитрый старикан, если он зовёт тебя, можно и не давать ему точного ответа, а просто пойти с ним, осмотреться и побывать на приветственном ужине для первокурсников того года.

В тот день было так же, как и в ту ночь, которую ты пережил. В отчаянии оставалась последняя крупинка надежды, которую люди едва могли вынести. Он притащил меня и усадил за стол, а студент рядом радостно спросил – новый профессор? Он сказал, что в школе слишком мало преподавателей, и он очень благодарен, что я всё ещё готов их учить. Тогда я и вправду подумал, что, может, Дамблдор специально так устроил, чтобы мне стало стыдно, но нос у меня просто не мог не защищать от этого.

Когда ужин закончился, Дамблдор взял меня под руку и, не предупредив, встал и объявил десяткам детей, что я – новый профессор защиты от тёмных искусств и истории магии. Я должен был тут же громко отчитать его, утереть этому старикану нос и уйти прочь. Но в итоге всё, что я смог сказать: «Здравствуйте, дети, я ваш профессор Слизнорт».

Его голос был очень тихим, но полным крайне тяжёлых чувств.

- После того, как я это произнёс, я думал, что пожалею об этом, но на самом деле тогда я

подумал, что было бы неплохо просто согласиться остаться профессором.

<http://tl.rulate.ru/book/81187/3583043>